

Максим Ладин

**Путешествие
в Страну
мудраков**

По следам Гулливера

Максим Ладин

**Путешествие в Страну
мудраков. По следам Гулливера**

«Издательские решения»

Ладин М.

Путешествие в Страну мудраков. По следам Гулливера /
М. Ладин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833478-8

Молодой Генри Грин, под впечатлением от рассказов Гулливера о дальних берегах, отправляется в опасное путешествие. Его ждут штормы, бури и сражения с злобными маленькими человечками, многие из которых чем-то похожи на нас.

ISBN 978-5-44-833478-8

© Ладин М.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава I. Загадочный старик	7
Глава II. Знакомство	9
Глава III. Удары судьбы	10
Глава IV. Капитан Бароун	11
Глава V. Джим	13
Глава VI. Еху	14
Глава VII. Расплата	16
Глава VIII. Контрабандисты	19
Глава IX. Свобода	21
Глава X. Буря	22
Глава XI. Западня	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Путешествие в Страну мудраков По следам Гулливера

Максим Ладин

© Максим Ладин, 2017

ISBN 978-5-4483-3478-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

По следам Свифта.

Иносказательность – приём, часто используемый в литературе. Воспользовался им и писатель Максим Ладин, в повести «Путешествие в страну мудраков».

Автор помещает главного героя, молодого врача, в Англию восемнадцатого века, раздираемую борьбой Тори и Виггов. Ещё в детстве судьба сводит молодого Генри Грина со странным стариком – Лемюэлем Гулливером, оказавшим своими рассказами о далёких берегах огромное влияние на всю последующую жизнь Генри.

Молодой человек учится на врача, служит в сельской местности, наблюдая всю несправедливость отношений между людьми, господами и крестьянами, и не перестаёт мечтать о диковинных странах, где живут маленькие человечки.

Молодой идеалист не может отстранённо наблюдать бесчинства помещиков, и, вступив в борьбу за справедливость, вынужден покинуть свой дом, пустившись в опасное путешествие.

Так, судьба толкает его к осуществлению мечты о дальних, диковинных странах. Стоит ли говорить, что Генри, вслед за Гулливером попадает в страну лилипутов... ведь сказано: «Будьте осторожны со своими желаниями – они имеют свойство сбываться».

Лилипутия изменилась со времён Гулливера. Теперь, это совсем другая страна. Не хочу раскрывать читателю всё то новое в стране маленьких человечков, о чём пишет Максим Ладин. Скажу только, что внимательный человек наверняка увидит в повести «Путешествие в Страну мудраков» знакомые образы людей, политиков, стран. Именно этим и интересно данное произведение.

Язык повествования лёгок, автор довольно умело ведёт читателя по перипетиям пребывания Генри в гостях у лилипутов. Яркие образы, забавные ситуации, захватывающие сражения, интересные диалоги – всё это читатель найдёт в повести Максима Ладина.

Мне, как другу автора, посчастливилось одному из первых прочесть «Путешествие в страну мудраков». Я искренне надеюсь, что впоследствии Максим Ладин расскажет нам о том, как изменилась и страна великанов... а там, чем чёрт не шутит, автор разовьёт повествование до трилогии.

*Роман Грабовский,
член Российского Союза писателей.*

Глава I. Загадочный старик

У нас в Ноттингемшире, близ Ньюарка, жил один чудаковатый старик по имени Лемюэль Гулливер. Кто-то считал его душевнобольным, кто-то высокомерным гордецом. Он ни с кем не поддерживал отношений, никого не приглашал к себе и сам ни к кому не ходил.

Его друзьями были лишь два жеребца, с которыми он проводил целые дни, беседуя с ними словно с разумными существами. Как рассказывал ухаживавший за жеребцами конюх, они не знали ни кнута, ни шпор, ни седла, ни хомута. Хозяин требовал, чтобы конюх вел себя с ними так, будто бы он не конюх при лошадях, а слуга при знатных господах.

Но во всем остальном хозяин был к нему добр, положил жалованья гораздо больше, чем получает обычный конюх, и этот малый был вполне доволен своей жизнью.

Жители окрестных деревень поговаривали, что Лемюэль Гулливер – знаменитый морской путешественник, побывавший в далеких странах. Они считали, что увиденное в последнем путешествии его так потрясло, что бедняга тронулся рассудком.

Что еще нужно чтобы возбудить любопытство двенадцатилетнего мальчугана, мечтающего бросить школу и стать морским волком?

Я вечно убегал к усадьбе Гулливера и часами наблюдал за загадочным соседом, сквозь щели в заборе. Он обычно беспечно бродил по своему ухоженному саду, иногда разговаривая сам с собой, но чаще бывал в каком-то задумчивом молчании.

Раз мне удалось застать мистера Гулливера за странным занятием. Старик вывел из конюшни двух жеребцов и став напротив них начал рассуждать о политике и общественном устройстве Англии. Ему казалось, что лошади ему отвечают, и он или соглашался с ними, или начинал о чем-то спорить.

При этом Гулливер вел себя крайне почтительно.

Чем больше я наблюдал за стариком, тем больший интерес он во мне вызывал. В те редкие дни, когда мистер Гулливер выходил в город я всячески пытался обратить на себя его внимание. Но все было тщетно: старик никого и ничего не замечал.

Так прошло года два.

Как-то к нам в гости приехал дальний родственник моего отца Ричард Симпсон. Мистер Симпсон был самым крупным книгоиздателем в Англии. Он рассказал отцу, что давно знаком с нашим соседом мистером Гулливером и даже, по поручению последнего, издал книгу его путешествий. Однако капитан Гулливер прислал ему письмо, в котором высказал свое возмущение неточностями и ошибками допущенными издателем.

– Я глубоко уважаю мистера Гулливера, – сказал отцу мистер Симпсон. – И мне очень неприятно сознавать, что эта размолвка может повредить нашей дружбе. Поэтому я и приехал сюда, что бы лично устранить все возникшие между нами недоразумения.

Не веря в свою удачу, я выпросил у мистера Симпсона один экземпляр книги и тут же отправился читать.

Книга состояла из нескольких частей. В первой части автор рассказывал о том, как он попал в страну маленьких человечков – лилипутов. Ростом они были не выше трех пальцев. Сначала лилипуты приняли его недоверчиво: связали по рукам и ногам, обстреляли стрелами размером с иголку, держали на цепи. Но Гулливера хорошо кормили, а когда он помог императору Лилипутии победить его извечного врага – императора Блефуску, ему даже присвоили высший титул страны – нардака. Однако придворные оклеветали его перед императором, и тот приказал ослепить Гулливера. Тогда он бежал на Блефуску, откуда впоследствии и вернулся в Англию.

Вторая часть книги рассказывала о том, как Гулливер попал в страну великанов Бромдингег. Трудно было ему, такому маленькому, жить среди этих огромных людей, которые

только лишь из-за роста относились к нему, как к существу низшего разряда, к чему-то вроде канарейки или домашнего котенка. Так бы навсегда и остался Гулливер в этой стране, развлекая короля, но домик, в котором он жил, унесла огромная птица и бросила посреди океана, где его подобрало судно капитана Вилькокса.

Рассказывалось в книге и о других удивительных странах, в которых побывал Лемюэль Гулливер. Но особенно меня поразил рассказ о стране благородных лошадей – гуингнмов.

Если верить Гулливеру, выходило, что где-то есть страна, в которой живут благородные лошади. Лошади установили между собой справедливые порядки, они не совершают преступлений. Они живут под властью разума и чести, в счастье и покое. Мешают им только дикие люди, которых автор называет еху. Они самые подлые, лживые и жестокие твари в этой стране.

Прожив какое-то время среди них, автор начал восхищаться гуингнмами и презирать всех людей на земле. Но лошади посчитали, что Гулливер один из еху и недостойн жить в их прекрасной стране. Ему пришлось покинуть гуингнмов и вернуться на родину.

Так мистер Гулливер оказался в наших краях, завел себе двух жеребцов, с которыми коротал свои дни.

Книга меня увлекла: я словно вместе с Гулливером переживал бури и штормы, знакомился с маленькими человечками – лилипутами, бежал от их императора на Блефуску. Я попал к великанам Бромдингнега и чудом спасся от укравшей меня огромной птицы.

В силу моего юного возраста, многое осталось для меня тогда непонятым. Трудно было представить, что где-то за морями есть страна, где на свободе живут благородные гуингнмы, а люди влачат жалкое существование, питаясь всякой падалью. Но мысли об этой справедливой стране с тех пор не давали мне покоя.

Прочитанное приоткрыло завесу тайны над нашим соседом, но ничуть не удовлетворило моего мальчишеского любопытства. Я был восхищен этим необычным человеком, так много повидавшим и так отличавшимся от всех, кто меня окружал.

Глава II. Знакомство

Вскоре мне представился случай познакомиться с мистером Гулливером поближе.

Я частенько наблюдал за ним через большую щель в заборе. Как-то заглянув в сад, я увидел там только жеребцов. Мистера Гулливера нигде не было видно. С замиранием сердца я перелез через ограду и подошел к лошадям, которые мирно паслись на лужайке. На меня они не обратили никакого внимания. Церемонно поклонившись, я обратился к ним со всей серьезностью:

– Позвольте мне, уважаемые господа, засвидетельствовать вам свое глубокое почтение. Мне очень приятно, что вы находитесь в добром здравии.

Лошади оторвались от травы и уставились в мою сторону. Несмотря на бешено колотивший мое сердце страх, меня начала забавлять эта игра. Я отвесил еще один церемонный поклон и извинился, что обращаюсь к столь знатным особам, не будучи им представлен.

– Я ваш сосед, сын Уильяма Грина, эсквайера – Генри Грин.

Тут кто-то больно схватил меня за шиворот:

– И что делает в моем саду мистер Генри Грин?

Я хотел было вырваться, но рука держала крепко. Повернув голову, я встретился с колючим взглядом Гулливера.

– Итак, что вы забыли в моем саду, молодой человек?

Можно было соврать, придумать что-нибудь, но мне не хотелось быть похожим на тех еху, которых так презирал хозяин сада.

– Я прочитал книгу о ваших путешествиях, сэр, – отвечал я честно. – Я увидел, что лошади, с которыми вы обращаетесь, как с лордами, пасутся одни без присмотра. Мне стало интересно посмотреть на них поближе.

– Признавайся, ты разговаривал с ними, чтобы посмеяться надо мной?

– Говоря по чести, сэр, я разговаривал с ними и в самом деле, шутки ради, чтобы позабавиться. Но смеяться над вами я бы никогда не осмелился.

– Достойный ответ, юноша, – смягчился Гулливер, – но я запрещаю тебе впредь приближаться к жеребцам.

И чуть помолчав, добавил:

– Они не любят посторонних.

С этого дня я стал желанным гостем в доме Гулливера. Капитан понемногу проникся ко мне доверием и часто рассказывал о своих путешествиях. Я узнал многое из того, чего не было в книге и даже, развлечения ради, учил с ним язык лилипутов.

Но больше всего меня восхищали рассказы мистера Гулливера о стране лошадей. Под воздействием этих рассказов я, незаметно для себя, начал проникаться мыслями моего кумира относительно всего человечества. Как и он, я обращал все больше внимания на пороки окружающих и искренне стал считать человеческую породу самой подлой на земле. И еще больше мечтал о дальних путешествиях.

Найти справедливую страну гуингнмов стало целью моей жизни. Однако нечего было и думать, чтобы спросить место ее расположения у Гулливера. Опасаясь за благополучие гуингнмов, он ни одному еху никогда бы не указал пути туда. Я же был всего лишь одним из еху. Может в его глазах и лучшим из них.

Родители не одобряли моей дружбы со странным соседом, однако я искусно скрывал внушенные им чувства к окружающим, и у них не было достаточных оснований запретить мне эти посещения.

Глава III. Удары судьбы

В 1735 году наша семья переехала в Лондон. Отец получил назначение на должность, которая требовала его постоянного присутствия в столице.

Мы тепло попрощались с мистером Гулливером, который к тому времени стал не только моим другом, но и учителем и наставником. Больше мы никогда не виделись.

В Лондоне, желая последовать примеру моего кумира, я, вопреки воле родителей, начал учиться на врача. Учеба мне давалась легко, хоть и не доставляла никакой радости.

Только в Лондоне я до конца понял причины неприязни Гулливера к человеческому роду. Многие пороки, которые люди скрывают в деревенской глуши, эти же люди выставляют напоказ в больших городах.

После окончания учебы я, к тому времени твердо решив отыскать страну гуигнгнмов, плавал судовым врачом на разных торговых судах. Надо сказать, я не видел в своих путешествиях тех диковинных стран, которые посещал Гулливер. Диких мест на земле почти не осталось, везде, куда только можно было проникнуть, властвовал белый человек. Он прилагал большие усилия, чтобы цивилизовать местных дикарей: одеть их в штаны, научить пить и сквернословить.

Во время этих, ничем не примечательных, скучных плаваний я у всех спрашивал о стране благородных лошадей – гуигнгнмов. Но никто не слышал о такой стране.

В 1746 году я решил оставить свои поиски и вернуться в Лондон. Видимо мечте найти страну гуигнгнмов суждено было так и остаться мечтой. Мне же предстояло спокойно доживать свой век в родовом поместье. Хоть я и не был старшим в семье и не мог претендовать на Самерби, я не сомневался, что мой старший брат Ричард не откажет мне в помощи и крове.

Но в Англии меня ждали плохие известия. Мой отец был обвинен в связях с якобитами и умер в тюрьме, мой старший брат Ричард погиб в битве при Каллодене, где сражался на стороне шотландцев. Ненадолго пережила их и моя несчастная матушка. Все имущество нашей семьи было конфисковано.

За годы странствий я сколотил небольшое состояние, которого должно было хватить на получение врачебной практики и тихой жизни где-нибудь на окраине Лондона. Полный решимости прочно осесть на суше я снял комнату с пансионом у миссис Дюррей в Вест-Энде и занялся поиском врачебной практики. Однако прежние друзья и знакомые сторонились меня – сына мятежника, прежде всегда открытые двери родственников были теперь закрыты.

Я пробыл в Лондоне всю зиму, но так и не нашел возможности для применения своих способностей: не было надежды даже на самую ничтожную врачебную практику. Деньги медленно таяли. Добрейшая миссис Дюррей, видя, что дальнейшее нахождение в ее доме сына мятежника, да еще и без средств к существованию, сулит ей больше неприятностей, чем выгод, всем своим видом давала понять, как я обязал бы ее, убравшись куда-нибудь подальше.

Когда уже казалось нет никаких надежд найти какое-нибудь дело, меня неожиданно посетил преподобный Лоусон, викарий из Уэмбери. Мне предлагалось занять место деревенского врача, за мизерную плату, которую крестьяне предпочитают отдавать продуктами, и небольшой деревенский домик. Я, недолго думая, согласился, тем более что в городе было слишком много мерзких еху.

Глава IV. Капитан Бароун

Весной 1747 года я на каботажном судне «Лилия» прибыл в бухту Коннорс. До Уэмбери отсюда было миль десять по живописной местности, которые я намеревался проехать верхом на лошади.

Я легко преодолел прибрежные скалы. Дальше дорога лежала через едва зазеленевшие поля. Проехав мили три, я решил свернуть на узкую полевую тропинку, которая как мне показалось, должна была привести прямо к деревне. За полем начинались холмы, поросшие редким лесом. Поднявшись на очередной холм, я увидел раскинутые у его подножья домики Уэмбери и пришпорил было лошадь, как услышал сзади грубый окрик:

– Эй, мистер, а ну постойте-ка!

Я развернул коня. С соседнего холма ко мне быстро приближался всадник.

– С кем имею честь? – спросил я у подскакавшего всадника. Хищное лицо и злобный взгляд его не предвещали ничего хорошего.

– Оставьте свои учтивости при себе. Ответьте лучше, кто вам позволил разъезжать по чужим землям? – грубо спросил незнакомец.

На вид он был лет сорока. Красное лицо и шпага выдавали в нем отставного офицера, недавно служившего в колониальных войсках. Под носом воинственно топорщились огромные усы, сросшиеся с такими же огромными бакенбардами. Из-под шляпы на меня смотрели налитые кровью глаза. Хватило одного взгляда, чтобы понять, что передо мною самый настоящий еху, готовый в любое мгновение вцепиться в глотку любому, кого он посчитает слабее себя. Пока я разглядывал незнакомца, к нам, с угрожающим лаем, подбежали две огромные собаки. Мне стоило больших трудов удержать на месте испуганную лошадь.

– Уймите псов, сэр, – сказал я, как мог спокойно. – Джентльмену не пристало кидаться на путника, даже если он по незнанию нарушил его границы.

– Вы не могли не видеть знаков, и кто вы такой, черт побери, чтобы учить меня правилам хорошего тона?! – прорычал землевладелец.

– Генри Грин, к вашим услугам, сэр, – и если вы немедленно не отзовете собак, я первым делом научу правилам хорошего тона их, – сказал я, поднимая хлыст со свинцовым набалдашником.

Грубиян, похоже, был непривычен к такому обращению, он свистом успокоил псов и произнес чуть спокойнее:

– Сэмюэль Бароун, капитан спаги. Я никому не позволяю здесь ездить. Вам мало дороги?

– Я направляюсь в Уэмбери и всего лишь хотел срезать путь. Знаков я, в самом деле, не видел, а если бы и видел, скорее всего, не свернул бы, считая, что долг гостеприимства обязывает одного джентльмена оказать небольшое одолжение другому джентльмену.

– Откуда мне знать, что вы джентльмен, а не один из этих проклятых браконьеров, загоняющих мою дичь, – недоверчиво сказал мистер Бароун.

– Браконьеры не разъезжают на лошадях, сэр. – А вам не мешало бы научиться отличать джентльмена от браконьера. Впрочем, я всегда готов дать вам любое удовлетворение.

– Что?! – вновь взъярился Бароун. – Дуэль? Не думаете ли вы, что у нас здесь занимаются подобными глупостями?! Убирайтесь с моей земли и не появляйтесь больше. Иначе вас найдут с проломленной головой в какой-нибудь канаве.

Хлестнув лошадь, капитан ускакал. Я был поставлен в тупик этой, ничем не обоснованной, яростью. Хорошо еще, что я вел себя, как подобает джентльмену. Узнай он, что с ним говорит всего лишь врач, хоть и благородного происхождения, думаю, капитан не стал бы ждать следующего раза, а сразу проломил мне голову.

Размышляя об этом происшествии, я незаметно для себя добрался до деревни. Викарий тепло принял меня и проводил к небольшому домику на окраине. Домик состоял из трех комнат и передней. Здесь я должен был жить и принимать больных. В доме уже хозяйничала нанятая викарием кухарка миссис Джонс, которая, впрочем, обещалась исполнять и все прочие обязанности приходящей прислуги.

Оставив меня на попечении миссис Джонс, викарий ушел.

Это была уже немолодая женщина, опрятная и словоохотливая. Не задав ни одного вопроса, я уже знал все про каждого жителя Уэмбери и окрестных деревень.

В Уэмбери жили, по большей части, небогатые фермеры, арендовавшие землю у нескольких сквайеров. В свободное от полевых работ время они рыбачили и, как и полагается в этой части Англии, браконьерствовали. Большинство землевладельцев смотрело на шалости крестьян сквозь пальцы. Это были благородные семейства – аристократы, испокон веков жившие тех местах и сохранившие простоту деревенских нравов.

Но несколько лет назад здесь купил поместье отставной колониальный офицер Бароун. Поговаривают, что Бароун должен был окончить службу в более высоком чине, но он оказался замешанным в какой-то темной истории в Ост-Индии. Доказать ничего не удалось, но его решили от греха подальше отправить в Англию, куда он прибыл богатым человеком.

Бароун с первых дней заслужил неприязнь фермеров. Он огородил земли, прежде считавшиеся ими свободными, запрещая не то что охотиться, но даже передвигаться по ним. С утра до вечера лесничие Бароуна носились по его угодьям, выискивая зазевавшего браконьера. Вся округа знала, попадись мистеру Бароуну в лапы и пощады не будет. Привычный к беззаконию в колониях, он редко прибегал к суду, предпочитая травить несчастных собаками, а то и стрелять по ним мелкой дробью.

Фермеры платили той же монетой: ни одно поместье в округе не подвергалось таким частым набегам браконьеров, как земли Бароуна. Это была настоящая война, в которой уже подстрелили нескольких фермеров и лесничих.

Я прибыл в Уэмбери, когда вражда между фермерами и капитаном Бароуном была в самом разгаре.

Сообщив во время ужина все эти полезные сведения, миссис Джонс ушла домой, а я повалился спать после тяжелой дороги.

Глава V. Джим

Я очень быстро освоился в Уэмбери. Фермеры и рыбаки болели нечасто, но при этом обеспечивали всем необходимым. Свободного времени у меня было много, и я приобрел себе маленькое суденышко под веселым названием «Радостный», с одной-единственной каютой под палубой и крохотным камбузом.

Это был настоящий одномачтовый шлюп, хоть и маленьких размеров, но зато простой в управлении даже для одного человека. На палубе судна вместо спасательной шлюпки был принаитован миниатюрный челнок, который мог бы выдержать двух-трех человек.

Этот шлюп заменял мне все развлечения, которых в нашей деревенской глуши было не много. Я частенько оправлялся на нем в прогулки по окрестным островкам и бухтам, иногда даже на несколько дней. Мне нравилось опять ощущать себя моряком.

Но «Радостный» оказался еще и отличным вложением денег: в те дни, когда я им не пользовался, он поступал в распоряжение местных рыбаков. Они платили гораздо больше, чем могут себе позволить простые рыбаки, но даже если на нем с утра до вечера и перевозили контрабанду, меня это не совершенно беспокоило: из всех изобретений человечества, пошлина – самый изуверский способ правительства отнять наши деньги.

Мне нравилась моя новая жизнь, нравилась простота нравов деревенских жителей, нравилось бесцельно бродить по живописным окрестностям. Здесь, на берегу залива Коннорс, среди скал и равнин южной Англии, мечта найти страну гуингнмов казалась уже бессмысленной и глупой. «Наконец, – думалось мне, – я нашел покой, которого так долго искал.

Лишь одно омрачало мое счастье: как я ни избегал встреч с мистером Бароуном, мне все же приходилось с ним видеться: он обычно презрительно меня оглядывал с ног до головы и ехал своей дорогой. Но я чувствовал – рано или поздно мы столкнемся.

В Уэмбери у меня, можно сказать, впервые в жизни появился настоящий друг – тринадцатилетний сын миссис Джонс. Мать привела ко мне мальчика из-за его болезненности. Это был щупленький мальчуган, выглядевший гораздо младше своего возраста, но с умными серьезными глазами. Тщательно осмотрев Джима Джонса я не нашел никаких болезней, если не считать вызванную недоеданием худобу.

– Что ж я могу поделаться, доктор Грин, их шестеро у меня, а Джимми самый старший, – грустно сказала миссис Джонс, узнав причину болезненного вида сына.

С тех пор Джим стал моим частым гостем. Мальчик проявлял большие способности к медицине, и я на радость его родителям, взялся за его обучение.

Со временем я очень привязался к мальчугану. Джимми был не только прилежным учеником: он помогал по хозяйству, бегал по моим поручениям, а если не было никаких дел, то приставал с просьбами рассказать о странах, где я побывал во время плаваний.

У меня на целом свете не было ни одного близкого человека, а этот мальчуган чем-то напомнил мне меня самого в детстве, когда я так же был готов с утра до вечера слушать рассказы Лемюэля Гулливера.

Очень скоро Джим стал незаменимым помощником и при осмотре больных. Я даже начал платить ему из своего жалованья, что вызвало гордость у него и у его родителей.

Джим заменил мне семью, которой у меня не было. Наверное, будь у меня родной сын, я бы не смог любить его больше, чем этого, не по годам смышленного, паренька.

Глава VI. Еху

Но моему счастью не суждено было продолжаться долго.

Как-то я сидел под яблоней у себя в палисаднике, когда увидел, что прямо к моему дому направляется толпа фермеров. Я разглядел в ней мистера Джонса, который нес на руках кого-то завернутого в плащ. У меня сжалось сердце от предчувствия беды. Быстро вскочив на ноги, я побежал навстречу. Мистер Джонс нес на руках окровавленное худенькое тело, в котором я узнал Джимми.

– Что случилось с мальчиком? – выдохнул я.

– Собаки проклятого Бароуна, – охрипшим голосом ответил Джонс.

Мы занесли мальчика в комнату и положили на кушетку. Он еще дышал, но смотреть на его истерзанное тело было страшно. Руки были изодраны в клочья, лицо представляло кровавое месиво. Я не видел таких страшных ран за всю свою практику. А ведь мне доводилось врачевать раны, полученные матросами в портовых драках.

Не замечая никого и ничего, кроме мальчика, я дрожащими руками одну за одной промыл и зашил эти раны. Больше всего беспокоили кисти рук и пальцы, но к счастью сухожилия не пострадали. Хуже обстояли дела с лицом. Очевидно, собаки вцепились в него, когда он прикрывал руками горло.

До поздней ночи я занимался мальчиком, который все это время был без сознания. Хотя Джим потерял много крови, будь он покрепче, я б сказал, что беспокоиться не о чем. Но сейчас нам оставалось только молиться за него.

Я вышел на воздух из душного помещения. Мать осталась сидеть возле мальчика. Она словно окаменела.

– Спасите моего мальчика, сэр, – умоляюще произнес Джонс. – Вы всегда были добры к нему. Спасите его.

– Я все сделал, он обязательно выкарабкается, Джонс. – ответил я уверенно. Но надежды было мало, и я об этом знал.

– Они с соседскими мальчишками ходили на реку. Мой мальчик никогда не ходил по землям сэра Бароуна. Он бы сам нипочем не пошел. Видать мальчишки его уговорили. За ними погнался лесничий. Остальные убежали, а мой мальчик ведь такой слабый, – Джонс всхлипнул. – Его поймали и отвели к Бароуну. Этот зверь высек его розгами, а потом велел бежать... А потом послал по следу собак. – Джонс зарыдал. Страшно было смотреть на этого крупного сильного мужчину в его беспомощности.

Я чувствовал, как во мне закипает кровь: перед глазами стояла картина избитого мальчика бегущего в ужасе от громадных собак-убийц. Они нагоняют его и пытаются вцепиться в горло. Джимми пытается прикрыть горло, тогда собаки рвут его руки, лицо, все тело.

– Как ему удалось спастись?

– Не знаю, фермеры подобрали его, когда он полз к деревне.

Я был уверен, что Джонс спросит с Бароуна за изувеченного сына. Я сам был готов немедленно отправиться с ним к негодюю.

– Что вы думаете делать, Джонс?

– А что я могу, сэр? Я ничего не могу.

– Любой человек что-то может. Разве дав жизнь этому мальчику, вы не обязались его защищать?

– Если бы я только знал, доктор, что такое случится, неужели вы думаете, что я бы не умер, чтобы защитить его?

– Не знаю Джонс. Судя по тому, как вы здесь сидите и причитаете, вместо того, чтобы разделаться с Бароуном, не знаю.

Не то хотел я сказать, но злость вырвала эти слова.

– На что это вы его подбиваете, мистер Грин? Если его повесят или отправят на каторгу, вы будете кормить моих детей? – миссис Джонс вышла из комнаты и стояла теперь, глядя на меня со всей враждебностью, на которую только способна женщина, чей семейный покой кто-то пытается нарушить.

– Если вам угодно можете отправляться к Бароуну. Мы маленькие люди, месть нам не пристала. Оставили бы вы нас в покое.

Я ничего не стал отвечать.

Два дня мы боролись за жизнь Джимми. Вопреки своей природной слабости, он поправлялся. Когда мальчик пришел в сознание, родители хотели было забрать его домой, но я уговорил их не спешить с этим. Миссис Джонс с утра до вечера хлопотала вокруг него и вокруг меня, не зная, чем услужить. Она уже стыдилась своей вспышки и теперь, как могла, пыталась загладить свою вину.

Прошла еще неделя, прежде чем мальчик поднялся с постели и вышел на крыльцо. И только через две недели я начал снимать повязки. Джимми не остался инвалидом, и это было большой радостью для всех нас. Но лицо мальчика было безвозвратно изуродовано собачьими клыками, шрамы шли от подбородка до затылка. От левого уха осталась только половина. Каждый раз, глядя на это лицо я чувствовал, что во мне поднимается такая ненависть, какой я никогда прежде не испытывал. Я жаждал мести.

Но фермеры были скорее напуганы этим происшествием, чем возмущены. Больше всех была напугана миссис Джонс.

– Доктор, все говорят, что вы поклялись убить мистера Бароуна, я умоляю вас не делать этого. Мальчик, слава Богу, жив. Совсем не годится нам, бедным маленьким людям тягаться со знатными господами, – сказала она мне, наблюдая как Джимми, сидя на лужайке перед моим домом, пытается поймать кузнечика.

Я молчал. Миссис Джонс тяжело вздохнув пошла к сыну.

– Миссис Джонс, пока одни будут считать себя маленькими людьми, всегда найдутся те, кто посчитает себя большими, – окликнул я ее вслед.

– Не впутывайтесь в это и не впутывайте моего мужа, ему и так достается от жизни. У вас господ своя жизнь, у нас своя, – с твердостью ответила женщина. – Мальчик жив, благодарение Господу. Чего еще можно желать?

Впрочем, ее слова уже не имели никакого значения. Я всегда знал, что столкнусь с Бароуном. С первой встречи с ним на лесной тропинке. Мне сообщали, что он наводил обо мне справки и то, что он узнал, обозлило его еще больше. Как младший сын в семье, я не мог претендовать на положение в обществе, согласно моему происхождению, и должен был завоевывать его службой в военном флоте или колониальных войсках. Но джентльмен удовлетворялся скромной врачебной деятельностью. Одного этого было бы достаточно чтобы вызвать презрение такого человека, как Бароун. В его глазах я был ничтожеством, жалкой букашкой. И эта букашка осмелилась бросить ему вызов.

Он испугался тогда, в лесу и знал, что испугался жалкого деревенского докторишки. Он знал, что я увидел его страх. Такого Бароун простить не мог. И я, при каждой встрече, чувствовал исходящую от него угрозу.

Однако, после расправы над Джимми кое-что изменилось: он больше не был охотником, теперь угроза исходила от меня. До него наверняка дошли слухи из деревни, и я не сомневался что он, как и я, ждет только случая. События уже развивались помимо нашей воли.

Глава VII. Расплата

Очередное зверство еху заставило меня вновь вспомнить о стране гуингномов. Мне был омерзителен Бароун, я презирал фермеров и я опять ненавидел весь белый свет.

«Там в океане есть страна, где все устроено совсем по-другому, – думал я, вспоминая свои беседы с Гулливером.– Там нет лжи, предательства и зависти. Не слишком ли быстро я сдался и отказался от своих поисков? Даже если я погибну где-нибудь в море, это более достойно, чем влачить жалкое существование среди этих существ без чести и совести».

Так у меня созрел план, который мог созреть только в голове безумца. Я решил самостоятельно отправиться на поиски страны гуингномов. Было самоубийством выйти на моем суденышке в океан. Но мне было все равно, доберусь ли я на нем куда-нибудь или найду упокоение на морском дне.

Я, в глубокой тайне, начал готовиться к отплытию. Денег у меня было достаточно, я съездил в бухту Коннорс и попросил рыбаков, на попечении которых находился «Радостный», подготовить его к переходу через Ла-Манш. Их удивило количество заказанных мною припасов, но они ничего не спросили. Мой шлюп сослужил им хорошую службу, я закрывал глаза на то, как они его используют, и они были рады услужить мне. Отдав все необходимые распоряжения, я вернулся в Уэмбери.

Не прошло и недели, как из Коннорса прибыл посыльный с известием, что мой шлюп готов к отплытию. Но я не мог уехать, не завершив дела с Бароуном.

Случай представился очень скоро.

Джимми уже жил дома у родителей. Я обычно каждое утро заезжал проведать его. Мальчик полностью оправился от ран, и только обезображенное лицо напоминало о том, что ему пришлось пережить.

В это утро у меня были дела в соседней деревне, и я смог попасть к Джонсам только после полудня.

– Мистер Грин, сказывают, что вы уезжаете от нас, – спросил Джим настороженно.

– Да Джим, я хочу покинуть Англию.

– А я думал, что вы мне поможете стать врачом. Я хочу быть таким, как вы.

– Ты обязательно станешь врачом. Я тебе обещаю.

Мы сидели на скамейке возле их дома. Джим не поднимая глаз, чертил что-то палочкой по пыльной земле.

– Почему они такие трусы? – вдруг поднял он голову и посмотрел на меня в упор.

Я всегда разговаривал с ним как с взрослым. Да он и был уже взрослым в свои тринадцать лет. Дети фермеров не похожи на детей горожан.

– Кто?

– Все. Отец.

– Они не трусы, Джим. И отец твой не трус. Просто он привык. Трудно избавиться от привычки. А когда человек должен каждый день думать о куске хлеба, он не умеет думать о чем-то еще, – ответил я.

– Я таким никогда не буду.

– Я знаю, Джим. Ты уже не такой.

– Мы утром с отцом ездили в поле. Там был Бароун. Он смеялся, когда меня увидел. Посоветовал отцу показывать меня за деньги на ярмарках. А отец стоял и молчал, – голос мальчика дрогнул. Он быстро взял себя в руки:

– Я никогда не буду таким, как отец, – сказал он ровно и даже как-то отстраненно.

– Послушай-ка меня, Джим. Бароун никуда не денется, а нам нужно подумать о твоём будущем. Отец отвезет тебя в Лондон. Там вы найдете доктора Ван-Дейка. Он голландец,

но всю жизнь прожил в Англии. Это отличный доктор, мы договорились, что он возьмет тебя на обучение. Он также предоставит тебе кров и полный пансион. Когда он решит, что ты готов, то составит протекцию для поступления в какой-нибудь университет. Деньги на учебу находятся у моего поверенного Джона Саммершита в Лондоне и должны быть выданы по первому требованию. Еще мой поверенный должен ежемесячно выделять тебе по 5 шиллингов на расходы. 30 гиней я передал твоему отцу. Они пригодятся на дорогу, одежду и вообще на всякие нужды. Мы с Джонсом обсудили все это, когда ты еще болел. Это должно обеспечить твое будущее. И поверь, я бы не смог сделать большего и для собственного сына, будь он у меня.

– Я знаю. Бог воздаст вам за вашу доброту, сэр. Но ведь это очень большие деньги и я никогда не смогу их вам вернуть, – сказал Джим

– Мне они, считай, с неба свалились сынок, а там, куда я отправлюсь, деньги не нужны, – я не хотел распространяться про подрабатывавших контрабандой рыбаков.

– Хорошо бы вы меня взяли с собой, мистер Грин.

– Нет. Это путешествие в одну сторону. Я больше никогда не вернусь в Англию. Тебя нужно вырастить, учиться, поставить на ноги младших, – ответил я решительно.

– Когда я вырасту, Бароун за все ответит.

«Он ответит раньше, Джим. Гораздо раньше», – подумал я, поражаясь силе духе этого щедрого паренька.

Попрощавшись с Джимом, я направился домой забрать свои вещи. В общем-то, почти все необходимое было уже давно на шлюпе. Мне оставалось только захватить свои медицинские инструменты, кое-что из одежды и устрашающего размера крепостной мушкет, который я привез когда-то из Франции. Были еще два седельных пистолета, но из-за вражды с Бароуном я их таскал с собой заряженными.

«Он ответит раньше, Джим, гораздо раньше», – стучало у меня в висках, пока я собирал вещи. Выехав из дома, я, держа наготове пистолеты, направился прямо к поместью Бароуна. Я уже представлял себе, как войду к нему в дом, как вызову его и если он откажется, разряжу оба пистолета в ненавистное красное лицо....

Но события редко складываются так, как мы того хотели бы. Не проехал я по лесу Бароуна и полмили, как из-за кустов прямо на меня выпрыгнули два лохматых чудовища. «Собаки-убийцы» – мелькнуло у меня в голове.

Лошадь шарахнулась в сторону, но я первым же выстрелом успел свалить одну тварь. Другой пес, увидев, как его окровавленный товарищ завертелся по земле, с визгом бросился наутек, но пуля второго пистолета свалила и его. Я успокоил лошадь и начал заряжать пистолеты.

Нужно было спешить, Бароун находился где-то рядом и мог появиться с минуты на минуту. И в самом деле, я едва успел зарядить один пистолет, как услышал сзади конский топот. В следующий миг раздался выстрел. К счастью я в это время уже разворачивался, и пуля просвистела мимо.

Развернувшись, я увидел, что Бароун, остановив коня, лихорадочно заряжает мушкет. Очевидно, мерзавец объехал меня, чтобы напасть сзади. Спасло только то, что разворачиваясь, лошадь в момент выстрела слегка попятилась назад. Я, хладнокровно прицелившись прямо между узеньких злобных щелочек глаз, спустил курок. Но Бароун недаром был военным. В последнюю секунду он, бросив мушкет, резко поднял лошадь на дыбы, и предназначенная ему пуля попала в голову благородного арабского жеребца. Конь рухнул, придавив ногу всадника. Я спешился и медленно подошел к валяющемуся на земле, оглушенному падением врагу. В руках у меня был только хлыст с вплетенным свинцовым наконечником размером с большой желудь. Мы с полминуты молча смотрели друг на друга. Наконец Бароун начал приходить в себя, он с трудом вытащил ногу из-под лошади и вдруг резко вскочив, бросился в сторону. Оказывается, я не обратил внимания, что в десяти шагах от нас валяется отлетев-

шая при падении шпага капитана. Но капитану Бароуну не суждено было ею воспользоваться. Первый же удар хлыста свалил его с ног. Я начал хлестать его по лицу, голове, куда придется. Вся моя ненависть к подлой породе еху, наконец, вырвалась наружу.

Я был как в тумане, я ничего не видел, только чувствовал хруст ломающихся под ударами свинца пальцев, когда он пытался прикрыть руками голову, чувствовал, как хлыст рвет вместе с одеждой его кожу.

Бароун слал на мою голову проклятья, пытался подняться, но вновь и вновь падал под ударами. Наконец его ругательства превратились в хрип, а вскоре и хрип прекратился. Только тогда я смог остановиться.

Я вытер заливавший глаза пот и только сейчас увидел своего поверженного врага. Он лежал лицом вниз. Его одежда превратилась в лохмотья, ноги были неестественно подогнуты. Я наклонился и перевернул его. Переломанные пальцы ладоней Бароуна словно застыли, закрывая лицо. Убрал их, я увидел сплошное кровавое пятно.

Бароун застонал. Он был все еще жив, но добить его я уже не мог. Пустота и усталость сменили клокотавшую во мне минуту назад ярость. Я вдруг ощутил себя таким же мерзким еху, как и распростертый на земле мой враг..

Была ли это справедливым возмездием? Поступил ли я правильно? Конечно, он получил то, чего заслуживал, но почему мне так приятно было взглянуть в его окровавленное лицо? Почему его мучения доставили мне такое наслаждение? Ответ был только один – я сам один из еху.

Бароун опять затих. Не глядя в его сторону, я взобрался на свою понуро стоявшую лошадь. Однако мои злоключения не кончились. Не успела лошадь сделать и десяти шагов, как сзади из кустов раздались выстрелы. Я совсем упустил из виду лесничих. Видимо, они пешими отстали от своего хозяина и подоспели только сейчас. Эти выстрелы вывели меня из полузабытья: пришпорив коня, я поскакал в сторону бухты Коннорс.

Я нёсся не разбирая дороги, рискуя загнать коня. Уже остался позади лес. Дальше дорога шла по открытой местности. Мне нужно было до того, как за мной снарядят погоню добраться до видневшихся вдали скал. За ними уже была бухта, где ждал готовый к отплытию «Радостный».

Прошло не менее часа, прежде чем я достиг прибрежных скал. Еще четверть часа ушла на то, чтобы выбраться из них на берег бухты. Я уже видел вдали стоящий на якоре шлюп, как вдруг почувствовал неожиданно наваливающуюся на меня слабость. В глазах потемнело, я понял, что медленно сползаю с коня и теряю сознание.

Глава VIII. Контрабандисты

Очнулся я в темном помещении без окон. Сверху пробивались солнечные лучи, но они почти ничего не освещали.

– Смотри-ка Джек, он приходит в себя, – услышал я чей-то голос с ирландским акцентом. Я хотел повернуть голову, но жгучая боль пронзила шею.

– Где я? – то ли простонал, то ли прошептал я.

– Вы у друзей, сэр. У добрых друзей, – сказал голос.

Я почувствовал, что опять проваливаюсь в темноту.

Как мне рассказали после, я пробыл в бреду и беспомощности целую неделю. Я только помню, что пришел в себя от яркого света. Сквозь щели в потолке над моей постелью в глаза били солнечные лучи. Чувствуя легкую тошноту и слабость, я с трудом приподнялся и сел на кровати. Если не считать узких полосок света, в комнате царил кромешный мрак. Как ни пытался я разглядеть, где нахожусь, ничего не выходило. Вдруг я услышал откуда-то сверху тяжелые шаги и в следующий миг помещение осветилось солнцем. Кто-то открыл люк сверху и спустился по грубо сколоченной лестнице. Я успел разглядеть, что нахожусь в каменном мешке ярдов пяти в ширину и примерно такой же длины. Освещал его только открытый люк, в проеме которого я видел коренастую мужскую фигуру.

– Ваши дела идут на поправку, – широко улыбаясь, заговорил, спустившись, мужчина. – Мы, признаться, думали вам конец.

Было достаточно одного взгляда, чтобы понять: это человек бывалый. Я обратил внимание на грубые черты лица, орлиный нос и цепкий взгляд. Правую скулу пересекал шрам, похоже, от ножа или сабли. На вид вошедший был лет пятидесяти. Несмотря на свирепую внешность от него не исходило никакой угрозы.

– Кто вы? – спросил я.

– Джек Джонсон, сэр. Но близкие меня предпочитают называть Джек Молот, – говоря это он показал огромный кулак.

– Где я и как я попал сюда, Джонсон?

– Вас попросили приютить наши общие друзья из залива Коннорс. Они вас нашли почти мертвым и спрятали здесь. Вы были ранены в шею и потеряли много крови.

Я начал что-то понимать: одна из пуль пущенных мне вслед лесничими достигла цели, а я в возбуждении не почувствовал боли.

– У меня почти нет денег, Джонсон. Я ничем не могу отплатить за вашу доброту, – сказал я контрабандисту.

– Мне не нужно денег, – ответил тот, разматывая повязку на моей шее.

– А что же вам нужно?

– Ничего, – пожал он плечами. – Об этом меня просили ваши друзья.

Вот когда пригодилась моя дружба с контрабандистами. Я молчал, не зная, что и сказать в ответ на проявление такого великодушия.

– Если бы речь шла о деньгах, я бы уже завтра был богачом, – с усмешкой заговорил Джонсон. – Мистер Бароун обещал за вашу голову 100 гиней. Сейчас все фермеры южного побережья носятся по скалам ради такой премии. Устроили же вы заваруху, – Джонсон расхохотался.

– Так он выжил? – обрадовано переспросил я.

– Ну да. Только ослеп, говорят, и изувечен так, что впору детей пугать, – равнодушно ответил Джонсон, заканчивая врачевать мою рану.

Положение мое было незавидно. В Уэмбери слишком много знали обо мне, и если назначена такая большая награда, нет сомнений, что тамошние фермеры, забыв о былых симпатиях, сейчас сидят в засадах по всем дорогам, где я только могу появиться.

– Фермеры из Уэмбери знают о шлюпе, – решил я поделиться своими опасениями с Джонсоном.

– Вы находитесь в ста милях от Уэмбери. Пока шлюп стоит в бухте Коннорс беспокоиться не о чем, они будут ждать вашего появления там. Когда вы поправитесь, мы переправим судно сюда, и вы сможете отправиться хоть через Ла-Манш, хоть куда подальше.

Похоже, Джек Молот был неплохо осведомлен о моих планах.

Я пробыл в убежище контрабандистов еще неделю. Оно представляло собой обычную расщелину в скале, покрытую сверху бревнами и соломой, и так искусно спрятанную от посторонних глаз, что даже с двух шагов никто бы не заподозрил существования тайника.

Выходить мне разрешалось только по ночам. И всегда, пока я прогуливался среди скал, мой покой охранял Джек Молот и его товарищ ирландец Мак-Кинли, весельчак, которому все происходящее казалось не более, чем забавной игрой.

Вскоре я полностью оправился от раны, и Молот сообщил об этом в Коннорс. Не знаю, каким образом, но точно в назначенное время шлюп был переправлен в бухту Вестлейк, неподалеку от которой я прятался.

– Пора, – разбудил меня в ночь на 15 мая 1748 года Джек Джонсон.

Мы быстро собрались и со всеми предосторожностями направились к бухте. Здесь, в лодке, нас уже ожидал Мак-Кинли. Тихо, не разговаривая, мы подошли к «Радостному». Осторожно перебрались на шлюп. Я быстро поднял якорь, пока мои товарищи также молча управлялись с обоими парусами. Кивнув мне на прощание, они спустились обратно в лодку. Через минуту ночная тьма поглотила их. Словно никогда и не было.

«Радостный» направился в открытое море. Без тени сожаления смотрел я, как в темноте исчезают огоньки ночной Англии. А когда рассвело, земли уже не было видно.

Но, я все еще опасался погони. Одному управиться с двумя парусами и рулем в открытой воде было непросто, но я должен был спешить. В Коннорсе уже заметили исчезновение шлюпа и скорее всего, попытаются перерезать пути в Европу и Ирландию. Поэтому мне нужно было держаться подальше от этих направлений. Но никому бы не пришло в голову, что я на своем утлом суденышке выйду в открытый океан, и «Радостный» под всеми парусам уходил все дальше и дальше на юг.

К ночи я совершенно выбился из сил. Решив, что опасность уже миновала, я закрепил руль и, сделав несколько глотков вина, лег спать.

Глава IX. Свобода

Спал я долго и когда вылез из каюты на палубу, вокруг меня, по-прежнему, был только безбрежный океан. Легкий ветер надувал паруса моего корабля, который очень хорошо держался на воде и имел неплохие ходовые качества.

Я выровнял курс так, чтобы быть подальше от судоходных путей и принялся за завтрак. Слегка перекусив и выпив кружку великолепного вина, я прилег в носовой части палубы.

Никогда в своей жизни не испытывал я чувства такого полного безмятежного счастья. Высоко надо мной в синем небе шли своим, им только ведомым, путем пушистые облака. Может, только в детстве у меня было время рассмотреть красоту этого вечного неба. Облака сходились и расходились, темнели и светлели. Иногда они принимали обличье диких зверей, иногда можно было разглядеть в них человеческие лица.

Впервые я чувствовал настоящий покой и умиротворение. Эти облака были тогда, когда не было ни меня, ни людей, ни зверей. И когда я покину этот мир, они будут так же плыть по небу никому не приметные. Мы не обращаем внимания на красоту, когда она привычна. Мы редко смотрим в небо

Так и прошел мой первый день путешествия: под скрип единственной мачты, легкий ветерок и любование красотой вечного неба и облаков.

Надо сказать, что и последующие дни не отличались от первого. Я наслаждался рассветами, когда под лучами восходящего солнца серые морские волны начинали искриться голубым светом. Ночами в них отражались миллионы звезд и серебряная луна рисовала дорожки на воде.

Иногда вдали появлялись могучие киты. Они резвились и играли в океанских волнах, такие же свободные, как и эти волны. Одного удара их могучего хвоста было достаточно, чтобы погубить мое жалкое суденышко. Но киты осторожно обходили меня стороной и плыли по своим китовым делам. Киты не люди, они не разрушают ради разрушения. Они не пытаются сделать мир хуже. И не пытаются сделать его лучше. Они просто живут. Мудрые киты.

Бывало, судно окружали любопытные дельфины. Они высокими криками дружелюбно приветствовали меня в своем царстве свободы. Не было на земле человека счастливее меня в те дни. Я совершенно забыл о своей неприязни, которую все свои годы, как и Гулливер, испытывал к человеческой породе, забыл о гуингнмах, забыл обо всем.

В прежние мои странствия, я многого не замечал. Но в это мое последнее путешествие Богу было угодно открыть передо мной все красоту мироздания, миропорядка, который человек, раз за разом пытается уничтожить в своей неумной гордыне.

Впереди меня ждали бури мыса Горн, самого гиблого места всех морей и океанов. Но я не боялся этой встречи – я сам стал частью океана с его волнами, штормами и бурями.

Глава X. Буря

Шел второй месяц путешествия. Мое суденышко уже пересекло экватор и уходило все дальше к югу. Становилось холоднее, особенно по ночам. «Радостный» шел к мысу Горн, но я ничуть не беспокоился. Я вообще тогда мало о чем беспокоился.

Утром 10 июля 1748 года я, как обычно, встал утром, сверил курс и хотел уже заняться своими обычными делами, как вдруг чутье моряка подсказало мне – что-то изменилось. Одного взгляда на барометр хватило, чтобы понять: надвигается шторм. Нужно было спешно готовить суденышко к испытанию, которое его ожидало.

О том, чтобы противостоять шквалу не могло быть и речи. Вся моя надежда была на круглые обводы моего судна, которые, как известно любому моряку, хоть и ухудшают ходовые качества корабля, но зато хорошо противостоят боковым ударам волн. При другой конструкции мне пришлось бы постоянно держать его носом к волне, что в моем положении вряд ли было возможно.

Я снял весь такелаж, паруса и отпустил руль. В приближавшемся шторме он мог только ухудшить остойчивость судна. Затем все спустил в каюту и плотно задраил за собой люк.

В тревожном ожидании прошел час. Я уже хотел встать со своего гамака и выглянуть наружу, как шлюп швырнуло куда-то вбок, затем незримая сила подняла ее вверх и затем опять бросила вниз. Разверзся ад.

Сидя в наглухо задраенной каюте я мог лишь догадываться о том, что происходит снаружи. Иногда казалось, что судно вот-вот перевернется, но каждый раз оно оставалось на плаву, некоторые волны били в него с такой силой, что борта давно должны были разлететься в щепки. Но час шел за часом, а я был все еще жив.

Не знаю, сколько продолжалось все это: может сутки, а может двое. В своем темном убежище, которое судя по всему должно было стать моей могилой, я потерял счет времени. Иногда казалось, что буря стихает. Тогда я слегка приоткрывал люк, чтобы впустить в свое убежище свежего воздуха. Потом налетал новый шквал, и все начиналось сначала. В каюту понемногу проникала вода, она поднималась все выше и выше. Мой корабль мог затонуть, даже выдержав удары волн. Я был на краю гибели, но ни миг не жалел о том, что пустился в это путешествие. Иногда за минуту счастья можно отдать жизнь, а я был счастлив целых два месяца. Мог ли желать я чего-то лучшего для себя?

Но мне не суждено было умереть такой смертью. Волны начали слабеть, и я смог, наконец, забыться похожим на обморок сном. Проспав неизвестно как долго, я проснулся от тишины. Ветер стих, суденышко лишь слегка покачивалось на волнах.

Я отдраил люк и выглянул на палубу. Зрелище, представшее передо мной, было ужасным.

Шторм унес мачту и разбил все, что можно было разбить на палубе. Не было штурвала, от руля остались только обломки. Серьезно пострадали все механизмы.

Я спустил в каюту паруса и весь такелаж, однако без мачты толку от них не было.

Каким-то непостижимым для меня образом на палубе удержался маленький челнок, закрепленный в носовой части. Это была большая удача. Я тут же спустил челнок в воду и решил держать его, привязав к корме шлюпа. Все последствия шторма могли сказаться не сразу, и если судно вдруг начнет тонуть, я успею пересечь в челнок.

Теперь оставалось только довериться морскому течению и воле волн.

Приближалась ночь и мне хотелось определить свое место нахождения. И тут я вспомнил, что по глупейшей невнимательности забыл на палубе компас и секстан. Их поглотило море во время шторма.

Итак, я остался в открытом море без руля и без мачты, я не мог ни вычислить курс, ни даже узнать свое местонахождения. Положение было безнадежно. Еще несколько часов назад я

был уверен в своей гибели и она не страшила меня. Но сейчас мне вдруг захотелось жить. Этот шторм словно всё перевернул во мне. Я перестал думать обо всех людях, как о мерзких еху и даже вспоминал, то хорошее, что видел в некоторых из них. Такова уж человеческая натура.

Ночь была звездная. Лежа на палубе, я рассматривал созвездия. Судя по их расположению, шлюп находился где-то в Тихом океане. Ураган пронес меня мимо мыса Горн и выбросил где-то в Полинезии. Было большой удачей, что шлюп не разбило о скалы и рифы этого самого опасного для моряков места.

Я размышлял о тех изменениях, которые произошли во мне за время путешествия и добровольного одиночества.

«Возможно, – думал я, – мне повезет, и я доберусь до Новой Голландии или других островов. Может попадетс я навстречу какой-нибудь торговый корабль».

Еще совсем недавно я больше всего на свете ненавидел людей, а теперь был бы рад встрече с самым последним из рода человеческого.

От этих мыслей меня оторвал страшный треск, я почувствовал, как кренится палуба – сомнений быть не могло: судно село на мель, а значит рядом земля.

Я быстро спустился в каюту и понял, что «Радостный» уже не спасти. Скала, на которую он наткнулся, пробила брешь ниже ватерлинии, киль, скорее всего, был разбит. Прибывала вода.

Я быстро направился к корме, чтобы пересечь на челнок и перенести на него все самое необходимое. Но челнока не было...

Вода между тем все прибывала, оставаться на шлюпе было опасно.

Я спустился в воду и поплыл в сторону видневшегося вдали берега. Очень скоро я, к своему удивлению, обнаружил под ногами дно. Дальше можно было уже идти.

Я брел по воде часа полтора, пока, вконец обессиленный, ни выбрался на берег. Нетвердо сделав с десятков шагов, я рухнул на песок.

Глава XI. Западня

Очнулся я, когда солнце стояло высоко. Отовсюду слышался какой-то странный звук, похожий на стрекот тысячи кузнечиков.

Я приподнял голову, чтобы посмотреть, откуда идет этот странный звук. Но ничего не увидел. Тогда я начал медленно вставать на ноги. Вдруг стрекот кузнечиков превратился в какой-то невыносимый писклявый вопль.

Я посмотрел на землю и остолбенел. Вокруг меня были тысячи маленьких человечков, тех самых лилипутов, о которых я когда-то так много слышал от Гулливера. Маленькие человечки вдруг замолчали и уставились на меня. Однако тишина продолжалась лишь несколько мгновений. Они тут же потеряли ко мне интерес и начали с жаром обсуждать что-то между собой. Я сел на песок, озадаченный поведением человечков. С трудом вспоминая язык лилипутов, которому учился в детстве я начал вслушиваться в то, о чем они говорят.

Меж тем лилипуты образовали небольшие группы по 50—60 человек. В центре каждой группы стоял один оратор и что-то говорил. Говорили ораторы все вместе, иногда их слова прерывались хлопанием в ладошки и криками, поэтому разобрать, что именно они говорят, было трудно. Я мог разобрать лишь обрывки фраз.

– Это тот самый Человек-Гора, о котором написано в наших книгах, он бежал от бывшего тирана-короля в свободную страну, – говорил один оратор. Он был явно настроен дружелюбно.

В другой толпе кривлялся какой-то бесноватый:

– Посмотрите на него, – визжал он, брызжа слюной. – Это очень опасное существо низшего разряда. Посмотрите, какие у него уши? Разве вы не видите, что это уши дикаря? (Много позже я узнал, что размер ушей имеет для лилипутов очень важное значение). А вы видели его зубы? Такие зубы могут быть только у людоеда. Его нужно немедленно заковать в кандалы, а еще лучше бросить в море.

– Кто ему разрешил высадиться на берег Лилипутии? Он должен немедленно покинуть нашу страну, – выступал другой оратор.

Остальные тоже что-то говорили, но понять их было чрезвычайно трудно. Самое удивительное, что они, при этом, словно меня не замечали. Они защищали меня или сыпали в мой адрес угрозами, и в то же время не обращали на меня никакого внимания!

Я вспомнил, как связали Гулливера в его приезд, как чуть не выбили глаза своими стрелами. А сейчас, несмотря на все эти страшные угрозы, меня никто не удосужился даже связать. Я не заметил и никаких военных отрядов.

«Тот, кто много говорит, мало делает», – подумал я и решив, что пока мне ничего не угрожает, осторожно, чтобы никого ненароком не задавить устроился поудобнее. Я ждал, к какому решению придут лилипуты.

Однако час шел за часом, оратор сменялся оратором, но никакого решения они принимать не собирались. Мне очень хотелось пить и есть, но когда я попытался их попросить об этом, никто даже не обратил внимания на мой голос, который им должен был показаться громом небесным!

Я встал и направился к ручью, который приметил неподалеку. Надо сказать, лилипуты подняли из-за этого страшный гвалт. Они кричали друг другу что-то невообразимое. Одни говорили, что я нахожусь в свободной стране и волен поступать, как хочу, другие кричали, что ручей является собственностью Лилипутии и никто кроме лилипутов не может пользоваться водой из него.

Особенно выходил из себя Бесноватый:

– Я же предупреждал, – кричал он противным визжащим голосом, – немедленно утопить мерзавца и всех мерзавцев которые его защищают.

Однако, другие лилипуты хоть и поддакивали ему и громко хлопали в ладоши, но не предпринимали никаких попыток привести эти угрозы в исполнение.

Неожиданно все лилипуты, как по команде, замолчали. В наступившей тишине можно было услышать только звук, напоминающий карканье вороны. Я увидел, что через почтительно расступающуюся толпу ко мне приближается запряженная четверкой лошадей карета. Карету сопровождала кавалькада всадников. Ехавшие впереди непрерывно дудели в какие-то странные дудочки, которые и издавали эти противные каркающие звуки. В такую же дудочку дудел и кучер. На самой карете горел фонарь красного цвета.

Много позже я узнал, что красный фонарь на крыше кареты означает, что она принадлежит знатной особе, которой по законам Лилипутии разрешается задавить любого, кто попадется ей на пути. Надо сказать, лилипуты очень дорожат таким правом и пускаются на всяческие ухищрения ради этой особой привилегии.

Когда карета приблизилась ко мне, из нее вышел серьезного вида лилипут. Его тут же окружили вооруженные алебардами стражники. Некоторые из толпы пристроились к его свите. Стража, видимо имея инструкции на этот счет, им не препятствовала. В свите знатного лилипута оказался Бесноватый и некоторые другие ораторы из толпы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.